

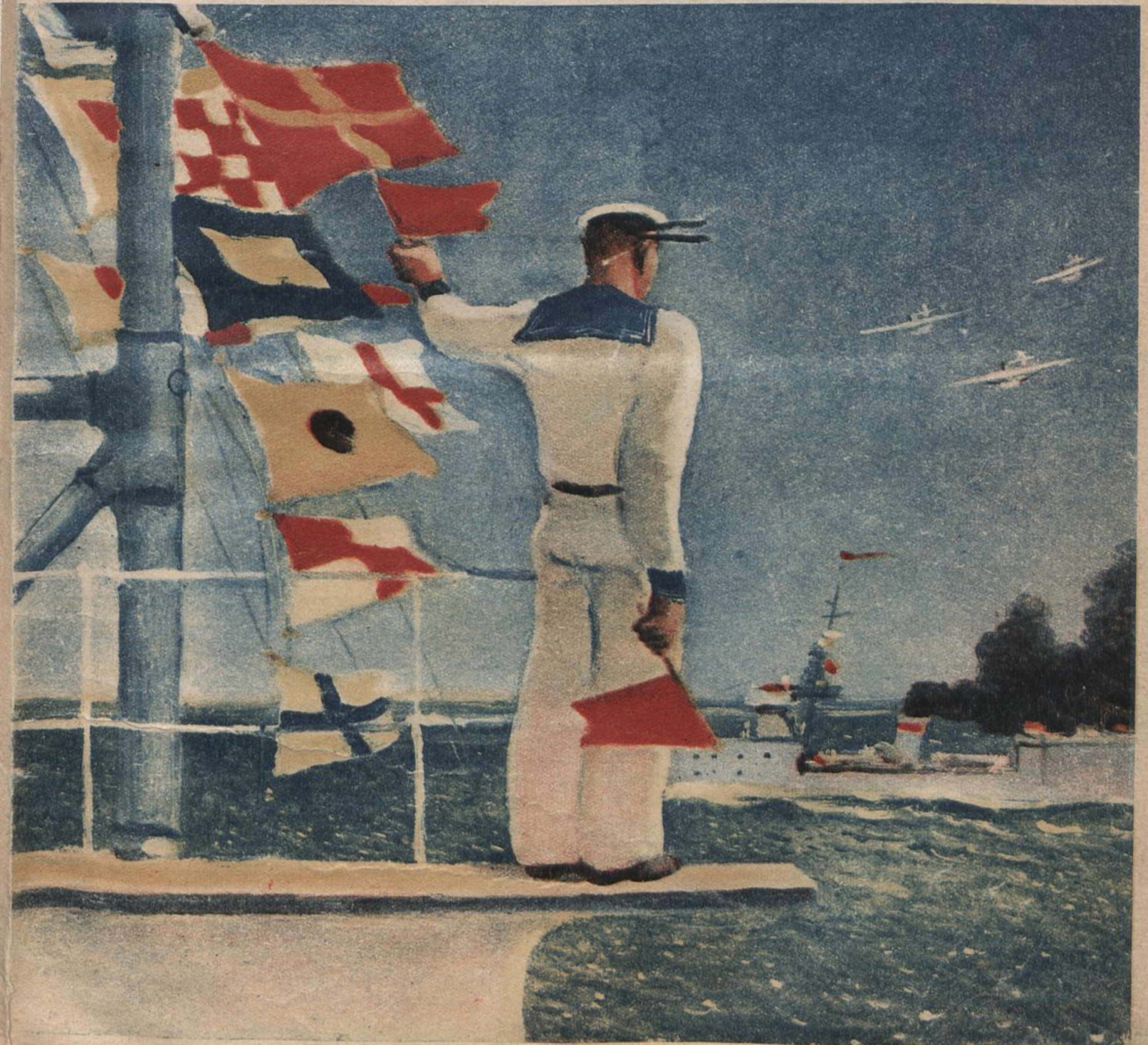
МУРЗИЛКА

Всесоюзная
Библиотека
Жуковский
В. Жуковский

ДЕТИЗДАТ
ЦК ВЛКСМ
ФЕВРАЛЬ 1937

№ 2

XX 63
11

СОДЕРЖАНИЕ

Григорий Константинович ОРДЖОНИКИДЗЕ

Сестра. Стихи З. Александровой. Рисунок худ. В. Веретенникова	1 2
Андрей Птаха и Василек. Отрывок из книги Н. Островского „Рожденные бурей“. Рисунки худ. М. Михаэлис	3
Боевые дни в Испании. А. Г. Союзфото	8
„Взятие снежного городка“. С картины знаменитого худ. В. И. Сурикова.	10
Зимнее утро. Стихи А. С. Пушкина. Портрет А. С. Пушкина работы худ. П. Соколова. . .	11
Пушкин в детстве. Рассказ Екатерины Пушкиной. Пушкин-лицеист. Гравюра худ. В. А. Фаворского	12
Мурзилкина газета. Рассказы и рисунки читателей.	14
Портрет внука. Рис. худ. К. Ф. Юона	16
Стальной Коготь. Рассказ Эль-Регистана. Рисунки худ. Р. Барто	17
Герои А. С. Пушкина на льду. Ледяная скульптура. Фото В. Зуева	20
Игры, фокусы, загадки. М. Гершензон. Рисунки худ. С. Глаголева.	
На окне. Стихи И. Нехода. Перевод с украинского Е. Благиной. Рисунки худ. Ю. Кискачи.	
На обложке: Сигнальщик. Картина худ. Г. Нисского.	
Приложение: Пробег по границам СССР (настольная игра). М. Гершензон. Рисунки худ. К. Ушаковой.	

XX 63
11

ГРИГОРИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ОРДЖОНИКИДЗЕ

родился 28 октября 1886 г.

умер 18 февраля 1937 г.

Он был одним из любимых вождей нашей партии и великого советского народа.

Он был пламенным большевиком-ленинцем, верным другом и неутомимым помощником Сталина.

Товарищ Орджоникидзе был народным комиссаром тяжелой промышленности. Он управлял всеми заводами, всеми шахтами и рудниками нашей могучей родины. Он руководил стройкой лучших в мире советских предприятий, помогал стахановцам работать, изобретать лучшие машины.

Товарищ Серго — так звали его в царское время на революционной подпольной работе. С юных лет он боролся с царем, с жандар-

мами и капиталистами, не страшась тюрем и кандалов.

Всю свою жизнь отдал он за советскую власть, за счастье народное, за коммунизм.

Горячей любовью он любил свой родной класс и всем сердцем ненавидел он врагов трудового народа. И миллионы трудящихся нашей страны и всего мира знали и любили своего Серго.

Он умер. Но память о его славной, мужественной, прекрасной жизни будет навсегда жить среди трудящихся.

Его борьба, его работа, его любовь к человеку — вся его жизнь — лучший пример для всех нас, ребята!

Сестра

З. Александрова
Худ. В. Веретенников

Улетел за облака
легкий самолет.
Вот сейчас моя сестра
на крыло встает.

— Прыгай,— машет ей пилот,—
Прыгай же, пора!
Как далекая звезда,
падает сестра.

Как хотел бы я взглянуть
на твое лицо,
Как хотел бы я рвануть
за твое кольцо,

Чтоб раскрылся над тобой
белый парашют...
Это пять часов прошло
или пять минут?..

Ты, сквозь тучу пролетев,
руку отвела,
И ромашка высоко
в небе зацвела.

Я к прохожим приставал,
не давал пройти:

— Посмотрите, как она
здорово летит!

Вот какая у меня
смелая сестра!
Это ведь ее портрет
в „Правде“ был вчера.

А ребята говорят:
— „Ты, наверно, врешь!
Почему ж ты на сестру
вовсе не похож?“

Приземляется сестра,
машет мне рукой.
Кружит легкий самолет
над Москва-рекой.

И, как облачко, летит
новый парашют.
Пионеры, — говорю, —
никогда не врут!

Н. А. Островский.
Родился в 1904 году,
умер в 1936 году.

Николаю Островскому было всего 16 лет, когда он ушел на фронт, в Красную армию. Храбрый и решительный комсомолец, он был всегда впереди в боях с белогвардейцами.

Кончилась гражданская война. Островский остался в армии. Он охранял границы Советского Союза. Но тут дали себя знать старые раны. Николай Островский тяжело заболел. Больной Николай Островский написал замечательную книгу о гражданской войне, о себе, о своем друге Сереже и о других юношах и девушках, воевавших за власть советов. Книгу он назвал: „Как закалялась сталь“. За его героическую жизнь, за прекрасную книгу „Как закалялась сталь“ советское правительство наградило Николая Островского высшей наградой — орденом Ленина.

Незадолго до смерти Н. Островский написал еще одну книгу о гражданской войне. Называется она „Рожденные бурей“.

Когда вырастешь, ты прочтешь ее.

Андрей Птаха и Василек

Отрывок из книги Н. Островского „Рожденные бурей“.

Андрей набросил железные крюки на дверь, засунул свой лом между дверными ручками и опять схватился за кольцо. Вновь, потрясая воздух, заревел гудок, прерывистый, страшный, вестник несчастья. Он заставил всех в городе выбежать на улицу. Он вздыбил редкие волосы заводчика Баранкевича. Он заставил побледнеть капитана Врону и бросил в дрожь жандарма Дзебека. В тюрьме напряженно прислушивались к этому реву. Из немецкого эшелона выскакивали солдаты и оглядывались вокруг. А гудок продолжал реветь...

В дверь котельной ломались охранники. Но окованная железом, массивная дверь чуть вздрагивала под ударами их прикладов.

— Несите лестницу! Марш к окнам! Стреляй по нему! — кричал капрал охране.

Андрей узнал об опасности, лишь когда в окно грянул выстрел и пуля свистнула у его головы.

Он невольно выпустил кольцо. Рев смолк. Спасаясь от нового выстрела, Андрей бросился к угольной яме.

Вытянув руки с карабином вперед, в окно втискивался легионер. Птаха метал-

ся в угольной яме, как пойманная мышь. Он чувствовал, что приходит конец его бунту. Его охватило отчаяние.

Окно было узкое, и легионер с трудом продвинулся в него одним плечом. Сзади его подталкивали. Тогда Андрей схватил кусок антрацита и, рискуя быть убитым, выскочил из ямы. Размахнулся, с силой швырнул углем в окно и попал в лицо легионеру. Тот взвыл. Он уронил карабин и повалился на руки державших его снизу охранников. Карабин лязгнул о цементный пол котельной. Вновь бабахнул выстрел. Андрей ошалел от радости. Он бомбардировал окно каменным углем.

За окном слышались дикие ругательства. Люди с лестницы поспешно сползли на землю.

Андрю охватило неистовство. Он отстегнул свой пояс и привязал им кольцо к регулятору давления. Гудок вновь зарычал. Уже не прерывисто, так как Птаха прикрепил ремень наглухо.

Теперь руки Андрю были свободны. Боясь быть застигнутым врасплох, он непрерывно швырял углем в окно.

В пылу борьбы Птаха забыл, что в котельной есть еще два окна. Только когда

из обоих нераскрытых окон вылетели стекла и со стен посыпалась штукатурка. Андрий с тоской понял, что с тремя окнами ему не справиться. Пули опять загнали его в угольную яму. В одном из окон появилось дуло карабина. Андрий яростно швырнул туда камнем. Но выстрел из другого окна заставил его отпрянуть назад.

— Вот теперь конец! — сказал Андрий и чуть не заплакал. Мужество покидало его.

Он сразу почувствовал тяжелую усталость. И, уже отказываясь от сопротивления, присел в углу ямы. Что-то больно ткнуло его в бок. Птаха невольно схватился за предмет, на который наткнулся. Это был наконечник пожарной кишки, которой кочегары пользовались для смачивания угля.

В усталом сознании что-то сверкнуло.

— А-а! Вы думаете, что меня уже взяли, гады, панские души! Сейчас посмотрим! — кричал он, хотя его никто не слышал из-за сумасшедшего рева.

Андрий бешено крутил колесо, отводящее воду в шланге. Пар с пронзительным свистом вырвался из брандспойта. Вслед за ним хлынула горячая вода. Угольная яма наполнилась паром. Андрию стало нечем дышать. Дрожащими руками он схватил брандспойт и, обжигая пальцы, страдая от горячих водяных брызг, направил струю кипятка в котельную.

И, уже не думая о том, что его могут убить, хлеснул струей по окнам. Он плясал, как дикарь, от радости, слушая, как взвыли за окнами. Теперь, сидя между котлами, он ворочал брандспойтом, не высывая головы, и поливал окна кипятком.

Сердце его рвалось из груди. Вся котельная наполнилась паром. По полу лилась горячая вода. Андрий спасался от нее на подмуровке котла. Ему было душно, жгло руки, но сознание безвыходности заставляло его продолжать сопротивление.

Рев несся по городу.

Василек пробрался на завод с первой группой рабочих, пришедших на смену. Он во что бы то ни стало хотел первым рассказать брату, как убили дядю Серегу, их соседа.

Василек не раз пробирался к брату, даже во время работы, как уж, проскальзывая между рабочими, избегая встреч со сторожами. Часто целые смены проводил он с братом в котельной, стараясь быть ему чем-нибудь полезным. Кочегар любил этого шустрого мальчишку, быстро постигающего искусство кочегарного дела.

Один раз он даже попался на глаза пану Струмилу, но кочегары заступились за мальчика, и механик махнул рукой. Мальчик помогал кочегарам разгружать вагоны с углем, знал в котельной все ходы и выходы и вскоре нашел себе удобную лазейку, через которую пробирался в котельную, минуя всех дверных контролеров. Он забирался на угольный двор, залезал в широкую вентиляционную трубу, по которой спускался к выгребной яме, куда сваливался отработанный угольный шлак. Потом по железной балке добирался он к угольной яме, а оттуда, отвалив два-три куса антрацита, попадал в котельную, в выемку, из которой брали уголь. Свой секрет Василек не выдавал никому, даже брату. Ему было приятно появляться неожиданно и вызывать восхищение кочегаров ловкостью, с которой он проскальзывал мимо контролеров.

Ужас охватил Василька, когда он узнал, что Андрий заперся в котельной и что его хотят убить. Мальчик с замирающим сердцем следил за попытками легионеров забраться в котельную.

Когда эта попытка провалилась, радости его не было границ. Василек метался среди рабочих и, умоляюще глядя полными слез глазами, спрашивал знакомых кочегаров:

— Скажите, дядя, что они с ним делают?

Кочегары хмуро отмалчивались. А один взял его за руку и отвел в сторону:

— Улепетывай отсюда, пока живой! Один уже достукался... Или хочешь, чтобы и тебе башку свернули под горячую руку?

Василек увернулся от него. Заливаясь слезами, опять побежал смотреть, что делают легионеры.

За тем, что происходило в котельной, наблюдали все рабочие, задержанные на заводском дворе. Отчаянная отвага одиночки, перед которой оказались бессильными вооруженные легионеры, покорила сердца. Сумрачные, измученные тяжелой работой люди чувствовали в сопротивлении одного человека укор им всем. А рев не давал забыть об этом ни на одну минуту. Теперь судьба Птахи глубоко тревожила всех. Восхищаться им стали открыто, особенно женщины. Послышались негодующие голоса:

— Стыдились бы, мужики, глядеть! Одного оставили на погибель...

Возбужденные криками женщин, гудком и всем происходящим, рабочие отказывались уходить со двора. Польские белые легионеры пустили в ход штыки. Кавалеристы теснили их конями и хлестали плетью.

Разъяренные рабочие стащили с лошади одного легионера. Его едва отбили.

С большим трудом эскадрон Зарембы очищал двор.

Василек не находил себе места. Эту мятущуюся маленькую фигурку уже заметили легионеры.

— Эй, ты! Чего тебе здесь? Стой! Куда бежишь? — крикнул на него один.

Василек нырнул в толпу и, работая локтями и головой, забрался в самую гущу. Боясь, чтобы его не поймали, он убежал через служебный ход на угольный склад и тут только вспомнил о своей лазейке.

Добравшись до угольной ямы, Василек долго в темноте ползал по углю, больно натываясь на камни коленями и головой, ища прохода в выемке, и не находил его. Он был засыпан вновь привезенным углем. Тогда мальчик стал раз-

гребать уголь, оттаскивая в сторону тяжелые куски. Один из них скатился назад и больно ударил его по босым ногам. Василек упал и долго плакал. Наплакавшись, он вновь принялся за работу. Он уже вырыл небольшую яму. Но разгрести становилось все труднее. Уголь приходилось таскать наверх и бросать подальше, чтобы он не катился на голову. Угольная пыль лезла в нос и глаза. Он чихал и отплевывался. Но углю конца не было видно. Василек подумал, что он не в том месте копает. Ему стало обидно и страшно. Он опять заплакал.

— Андрий! Андрию-ю-шка!.. — закричал он изо всех сил.

Андрий подскочил, словно его ужалили.

— Тьфу, чорт!

Ему показалось, что где-то за спиной плачет Василек.

Птаха стоял в угольной яме, держал карабин в руках и не отрывал глаз от окон.

Брандспойт лежал тут же, рядом. Пар, который чуть было не задушил его, медленно выходил через окна. В котельной было мрачно и душно.

Андрию иногда казалось, что все это дурной сон. Уже прошло три часа, а его

никто не выручал. И все, что он сделал, ни к чему. Его все равно возьмут и расстреляют. И никому до этого нет дела. Все в стороне, только он один, Птаха, должен положить свою голову...

— Андрюшка! — где-то совсем близко кричал Василек.

Сверху скатился камень и больно ударил Андрия по плечу. Вслед за этим радостный крик: „Это я, Васька!“ удержал Птаху от выстрела.

Настоящий, живой Василек спускался к нему. У Андрия застучали зубы при мысли, что он чуть не застрелил брата.

— Андрюшка, это я... Там их понаехало еще много... Целый двор на конях... И самый главный ихний... Тикай отсюда! Тут дыра есть... Я сквозь нее каждый раз лазил. Только сейчас угля насыпали доверху, я не мог пролезть! — кричал Василек в ухо брату, обнимая его.

Сердце Андрия заколотилось.

— Откуда ты залез сюда?

— С угольного двора.

— Там хода нету...

— А я через трубу. Она широкая! И ты пролезешь. Идем, Андрюшка, идем! Бо их там наехало! Дядя Остап говорит, что они тебя убьют!.. — Василек тянул Андрия: — Лезь, а я — за тобой!

Василек покарабкался вверх. Птаха еще раз оглядел котельную, затухающие топки и полез за ним. Василек уже ожидал его там. Андрий осторожно взвел предохранитель и подал ему карабин. Затем, царапая плечи, втиснулся в дыру и, хватаясь руками за осыпающийся уголь, с большим трудом выбрался наверх.

Василек торопил его. Андрий схватился руками за тяжелую каменную глыбу и свалил ее в дыру. Мальчик помогал ему, руками и ногами сталкивая туда кус-

ки антрацита. Через минуту дыра была завалена.

Василек вел Андрия своими путями. Птаха с ужасом думал, что будет, если он не влезет в вентиляционную трубу. С огромным облегчением он вздохнул, когда вслед за Васильком просунул голову и плечи, и стал медленно продвигаться вперед.

Когда они выбрались наверх, шел мелкий дождь. Угольный двор находился вне основной заводской территории, от которой он был отделен высокой каменной стеной. Сюда шли подъездные железнодорожные пути.

Василек пошел на разведку. Скоро он вернулся и сообщил, что на путях никого нет.

— Там пустые вагоны стоят в три ряда. Под вагонами можно пройти, и никто не увидит. А около задних ворот никого нет. Их на замок закрыли. Мы на вагон влезем, а с вагона на ворота — и айда в поле! — говорил Василек в самое ухо Андрию.

Они сползли с угольной горы и, согнувшись, побежали между вагонами. План Василька оказался прекрасным. Последний вагон стоял у самых ворот. Они перелезли через решетчатые железные ворота и бросились бежать по железнодорожному полотну.

Василек летел впереди, как птица, расставив руки и делая двухметровые прыжки. Он часто оглядывался, поспевают ли за ним брат. Андрий бежал что есть мочи. Дождь хлестал их в лицо. Низкие, тяжелые тучи заволокли все небо.

Андрий не бросал карабина.

„Все равно убьют, если поймают. Так хоть порешу двоих под конец“, думал он, не веря еще, что спасется. И, только когда завод остался далеко позади и подъездные пути стали поворачивать к вокзалу, Андрий остановился и, обессиленный, опустился на насыпь...

— Стой, Василек, не могу больше! — крикнул он и схватился рукой за сердце.

— Тикаймо, Андрюшка, тикаймо, а то догонят!

Боязливо озираясь, мальчик нетерпеливо подпрыгивал. Промокший до последней нитки, он зябко ежился от холода и испуга. Забрызганные грязью, босые ноги

его окоченели. Стоя на шпале, он тер ногу об ногу. Ему казалось, что Андрий сидит очень долго.

— Уж будет, Андрюшка, побежим!

Птаха устало повернулся, посмотрел на ноги Василька и на какое-то подобие фуражки, блином прилипшей к его голове, на всю его согнувшуюся в три погибели фигурку в старой женской кофте, и острая жалость и горькая обида на собачью жизнь, при которой он не мог заработать даже на сапоги и одежду этому ребенку, сдавили ему горло.

„А теперь и куска хлеба не будет... И самому деваться некуда...“

— Андрюшка... — жалобно затынул Василек.

Андрий поднялся. Оттуда, где в густом

тумане утонул завод, неслось грозное завывание гудка.

— Гудит! — с гордостью прошептал он, с наслаждением прислушиваясь к густому басу своего сообщника. И уже не побежал, а пошел быстрым шагом. Василек трусил мелкой рысцой рядом, поминутно оглядываясь.

С высокой насыпи Птаха увидел знакомый домик у водокачки и только теперь поверил в свое спасение.

— Василек, братишка! Васька! Плевали мы теперь на них! А за тебя я еще рассчитаюсь!..

Он обнял братишку, прижал его к груди. Благо, не надо было скрывать слез. Кто рассмотрит их, когда дождь льет целыми потоками!..

„Трубачи“.
из времен гражданской войны.

С картины художника М. Б. Грекова.

Боевые дни испанского народа

На мадридском фронте. Бойцы правительственных войск идут в атаку.

ТЕЛЕФОНИСТКА

Мятежники наступали на Мадрид. Уже два дня упорные бои шли на улицах предместья Хетафе. Полк республиканцев мужественно отстаивал позиции. Командир полка, придерживая раненую руку, следил за боем.

Только что из штаба он по телефону получил приказ отступать. На месте боя надо было оставить разведку.

Телефонистка Лина молча ждала приказаний у полевого телефона.

— Разведку?—сказал командир.—У нас осталась горсть бойцов...

— Можно мне?—неожиданно сказала Лина.

— Можно мне в разведку?—крикнула она. В грохоте взрыва только по губам можно было угадать ее слова.

Лина не дала командиру возразить. Она заговорила быстро и горячо и показала вверх, на узкое здание телефонной станции.

Командир кивнул головой.

Ветер врывался в разбитые окна телефонной станции. Половину своей короткой жизни провела Лина в этих залах. Несколько месяцев тому назад, как только загремели пушки мятежников, комсомолка Лина ушла на фронт. С тех пор она не была здесь. Лина подошла к своему

аппарату. Он стоял у окна. Отсюда были видны парк и улицы. Отстреливаясь, медленно отступали остатки полка республиканцев. Среди деревьев показались войска мятежников. Лина вызвала штаб.

— Говорит разведка Н-ского полка,— сказала она.—Полк отступает. Двигается колонна мятежников. Показались танки.

В штабе все притихли. Телефонист слушал ровный голос Лины и передавал сведения начальнику.

— Сколько танков?—спросил он.

— Четыре,—отвечала Лина.—Подвезли три тяжелых орудия. На крышах устанавливают пулеметы... Спрашивайте скорее... Они поднимаются по лестнице...

— Где установлены засады?

— В зданиях музея... Прибыл полк марокканцев... Скорее...

Начальник взял трубку штаба.

— Мужайся, товарищ!—крикнул он.— Это ценные сведения... Мы начинаем контратаку.

— Скорее...—услышал он голос Лины. Потом в трубке затрещало, и грубый мужской голос выкрикнул ругательство...

Через час республиканские войска начали контратаку.

ПЕРЕЛЕТ

15 декабря, в 13 часов, гидросамолет „Дорнье I“ поднялся в воздух. Ему было дано задание сопровождать корабли мятежников вдоль побережья Леванта. На

борту самолета было трое: младший пилот Антонио, бортмеханик Эваристо и старший пилот, лейтенант фашистской армии Морено.

Антонио и Эваристо давно ждали этого дня. Насильно мобилизованные в армию мятежников, они задумали план перелета к республиканцам. И вот наступил подходящий момент.

Антонио повел самолет, незаметно меняя курс на север. Лейтенант Морено, почуяв неладное, приказал вести самолет по маршруту на Сеуту. Но Антонио не повиновался.

— Надо сдать республиканскому правительству, — сказал он.

В ответ на это лейтенант круто повернул самолет на Сеуту. Тогда Антонио резко рванул второй руль и повернул самолет назад. Завязалась борьба. Бортмеханик

Эваристо схватил карабин и выстрелил в Морено. Он промахнулся, пуля разбила стекло пилотской кабины. Бортмеханик выстрелил еще раз и ранил лейтенанта в спину. Лейтенант навалился всем телом на управление рулями. Он пытался выключить все моторы, чтобы свалить самолет в гибельный штопор. В этот момент бортмеханик выстрелил еще раз. Лейтенант был мертв.

Через полтора часа Антонио привел самолет на аэродром республиканцев.

С радостью встретили их бойцы-республиканцы. Они внимательно слушали рассказ Антонио и Эваристо о том, как им удалось бежать от фашистов.

ВОЗДУШНЫЙ БОЙ

Бомбовозы мятежников шли на город. Широкие темные тени ползли по крышам.

Вдруг раздался оглушительный взрыв. Столб земли, камней и огня поднялся над домами. Бомба разрушила и зажгла здание.

Сначала никто не заметил легкой стайки самолетов. Они стремительно неслись к бомбовозам.

Еще несколько бомб одна за другой разорвались на улицах Мадрида. Истребители яростно атаковали фашистские машины. Неуклюжие бомбовозы медленно поворачивались. Вдруг один из них вздрогнул, тяжело перевалился на крыло и, кувыркаясь, полетел вниз.

Истребители кружили снизу, с боков.

Бомбовозы спешно уходили к себе, в фашистский лагерь.

Постепенно рокот затих, небо очистилось. Только один истребитель кружил над городом.

Летчик Педро не раз участвовал в воздушных боях. Он знал, что бой еще не кончился. И действительно, вскоре показались на гори-

зонте четыре темные точки. Это были истребители мятежников. Педро встретил их частым пулеметным огнем. Фашисты пошли на Педро с четырех сторон.

Педро набирал высоту. Истребители атаковали его. Педро вырвался из их круга и поднялся еще выше.

Снизу казалось, что пять ос, кружась, носятся в воздухе. Постепенно они исчезли, тая в синей вышине.

И вдруг два пятнышка мелькнули в воздухе. Как камни, падали вниз два самолета.

На улицах напряженно следили за их падением. Чьи истребители сбиты?

Внезапно от одного из самолетов отде-

лилась точка, и через мгновение белый купол парашюта раскрылся в воздухе.

Парашют несло над крышами к центру города. Купол зацепился за угол дома, и парашютист опустился на тротуар.

— А все-таки я сбил фашиста, — сказал он и стал расстегивать ремни парашюта.

Пожар у Толедского моста в Мадриде после налета фашистских самолетов.

*„Взятие снежного городка“.
С картины знаменитого художника
В. И. Сурикова.*

*Государственная
Третьяковская галерея.*

1837 ~ 1937

10 февраля исполнилось сто лет со дня
смерти величайшего русского поэта
АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА ПУШКИНА.

А. С. Пушкин

Зимнее утро

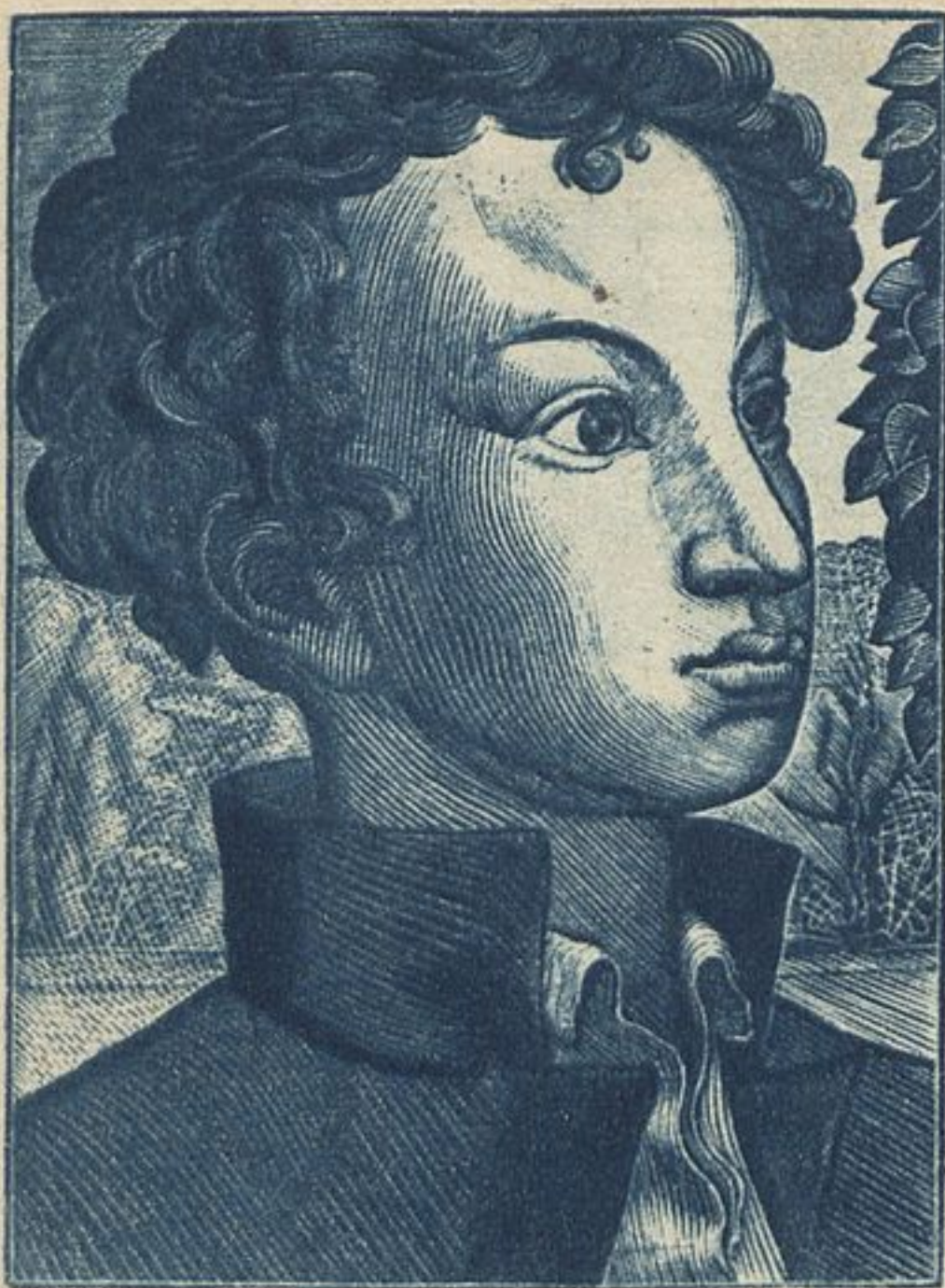
Отрывок

...Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче... погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

*Пушкин-лицеист.
Гравюра В. А. Фаворского.*

Пушкин в детстве

*Екатерина Пушкина,
правнучка А. С. Пушкина*

На улице Баумана стоит дом № 10. Сто тридцать семь лет тому назад, то есть в 1799 году, на этом месте был дом Скворцова. В нем 6 июня, по новому стилю, у Сергея Львовича Пушкина и его жены Надежды Осиповны родился сын. Его назвали Александром.

В этот день в Москве звонили колокола: царь Павел I праздновал рождение своей внучки. И никто не предполагал тогда, что цари навсегда исчезнут с лица нашей земли, а память о великом поэте, родившемся в этот день, переживет столетия.

Родители Пушкина были люди небогатые. Хозяйство у них было запущено, денег всегда нехватало, порядка в доме не было. Отец его был отставной военный, помещик из старинного дворянского рода, мать — внучка знаменитого „арапа Петра первого“ — негра Ганнибалы.

Отец его по тому времени был человеком образованным, он знал французскую литературу, писал стихи. У маленького Саша была сестра Ольга, а позднее родилось еще два брата — Николай и Лев.

Саша рос толстым, неповоротливым мальчиком. Своей неповоротливостью он очень огорчал мать, и, чтобы сделать его

У Александра Сергеевича Пушкина было четверо детей: Мария, Александр, Григорий и Наталья. Старший его сын, Александр (Сашка), о котором Пушкин довольно часто упоминает в своих письмах, был боевым генералом, участвовал в Крымской войне и получил все военные знаки отличия, какие только существовали в России. Он умер в 1914 году. У него — единственного из детей Пушкина — были дети, 11 человек. Трое из этих внуков поэта живы до сих пор. Дочка его старшего внука Александра Александровича — Екатерина Александровна Пушкина, правнучка поэта, — пришла к нам в редакцию и по нашей просьбе написала для ребят о детстве поэта то, что она сама слышала от своего деда, когда была маленькая.

живее, мать заставляла его бегать и играть с другими детьми. Раз, когда он был еще совсем маленьким, она взяла его с собой гулять. Она шла быстро, мальчик не поспевал за нею, устал и сел отдыхать среди улицы. Но, увидев, что из окон на него смотрят и смеются, сразу встал и сказал: „Ну, нечего скалить зубы!“ Даже в таком раннем возрасте он не переносил насмешек над собой.

Мальчику жилось несладко: отец был занят своими развлечениями, а мать была женщина с очень тяжелым характером. Она никогда не сердилась, не кричала, но могла целыми месяцами не разговаривать со своими детьми. Сашу она не любила.

Единственной радостью мальчика была бабушка, Мария Алексеевна Ганнибал, мать его матери. В то время в русских дворянских семьях говорили только по-французски, а русский язык считался языком простонародья. Но бабушка говорила по-русски, и маленький Саша у нее первой стал учиться родному языку. Спасаясь от придирок матери, он часто убегал к бабушке, залезал в ее рабочую корзинку, сидел там, следя за ее работой и слушая ее рассказы.

Мать А. С. Пушкина.

он один раз прочитал, сохранялось в его памяти на всю жизнь. К одиннадцати годам он хорошо знал французскую литературу и читал журналы, которые получал его отец. Он начал пробовать сам сочинять стихи на французском языке.

Вдвоем с сестрой они устраивали в детской спектакли. Александр Сергеевич был автором и актером, а сестра его — публикой. Одна комедия, которую он назвал „Похититель“, не понравилась публике — маленькой Оле, и она освистала ее. По этому случаю дядя их, Василий Львович Пушкин (известный в Москве стихотворец и остроумец), написал стихи:

Скажи мне: почему „Похититель“
Освистан партером?
Увы! Потому, что бедный сочинитель
Похитил его у Мольера.

Очень рано проявилась в нем насмешливость. Как-то раз сестра его Ольга была наказана матерью. Надежда Осиповна ударила девочку по лицу, надела старое платье и посадила на целый день на хлеб и на воду. Девочка горько плакала.

— Лучше повешусь, а прощенья просить не стану! — в слезах твердила она.

Саша, найдя где-то гвоздик, стал вбивать его в стенку.

— Что вы делаете, сударь? — спросила его нянька.

— Да сестрица повеситься собирается, так я ей гвоздик хочу приготовить, — отвечал мальчик.

Он прекрасно понял, что сестра говорит не всерьез, и ее высмеял.

Но бывали случаи, когда ему было не до смеха. У него были привычки, которые раздражали мать: он тер ладони одну о дру-

гую и постоянно терял носовые платки. Чтобы отучить его, Надежда Осиповна завязывала ему назад руки и однажды целый день проморила его голодом. А носовые платки прикалывала булавкой к курточке и заставляла так выходить к гостям. Мальчик тяжело переживал эти наказания.

Отец А. С. Пушкина.

Вообще он был характера неровного, резок и вспыльчив. Стоило кому-нибудь над ним посмеяться, как лицо его вспыхивало, он закусывал губу и забивался в угол, откуда его невозможно было вытащить.

Одна знакомая Надежды Осиповны, которая возила своих девочек в дом Пушкиных на уроки танцев, запомнила его смуглым, кудрявым мальчиком 9—10 лет, некрасивым, но с живыми, сверкающими глазами. Частенько заставляла она его сидящим в наказание где-нибудь в углу, отгороженного от всех стульями. Но бывали случаи, когда он с другими детьми пустился в пляс.

Бабушка говорила про него:

— То его не расшевелишь, не прогонишь играть с детьми, а то вдруг так расходится, что его ничем уж не уймешь. Из одной крайности бросается в другую, нет у него середины. Не знаю, чем это кончится, ежели он не переменится...

Саша никогда не отличался прилежанием и больше надеялся на свою память на уроках. Он всегда старался, чтобы его спросили вторым. После сестры он мог свободно повторить весь урок.

Когда Пушкину исполнилось двенадцать лет, отец решил отдать его в Царскосельский лицей, который в то время только что открылся. Это было учебное заведение, куда принимали сыновей дворян по строгому выбору. Воспитанники лицея должны были жить в нем безвыходно шесть лет. Пушкин без сожаления расстался с холодным своим домом.

Бюст А. С. Пушкина. Сделан из пластелина Володей Черняк.

НА СМЕРТЬ А. С. ПУШКИНА

Погиб поэт,
Его уж нет,
И он уж больше не придет,
Но наше племя молодое
Его стихи читает и поет.
Его чудесные поэмы
Читать на свете все хотят,
И даже взрослые читают
Его сказки для ребят.

Юлиана Яхнина, 8 л.
310-я школа. Москва

Сказка о рыбаке и рыбке.
Макет Жени Кочергиной, 11 лет. Москва

Сказка

Был конец декабря. Все было покрыто снегом. В лесу было тихо, природа была скучная. Захотелось Морозке устроить елку в лесу. Выбрал он маленькую елочку, выдернул и положил ее на опушке леса. Всю ночь шел снег, и к утру елочка оказалась такой красивой и нарядной от снега, что Морозке она очень понравилась. Подошел он к елке, взял и потащил ее в лес. Поставил ее на пригорке. Видит он, что летит ворона. Морозко остановил ее. „Кумушка, прошу тебя, позови

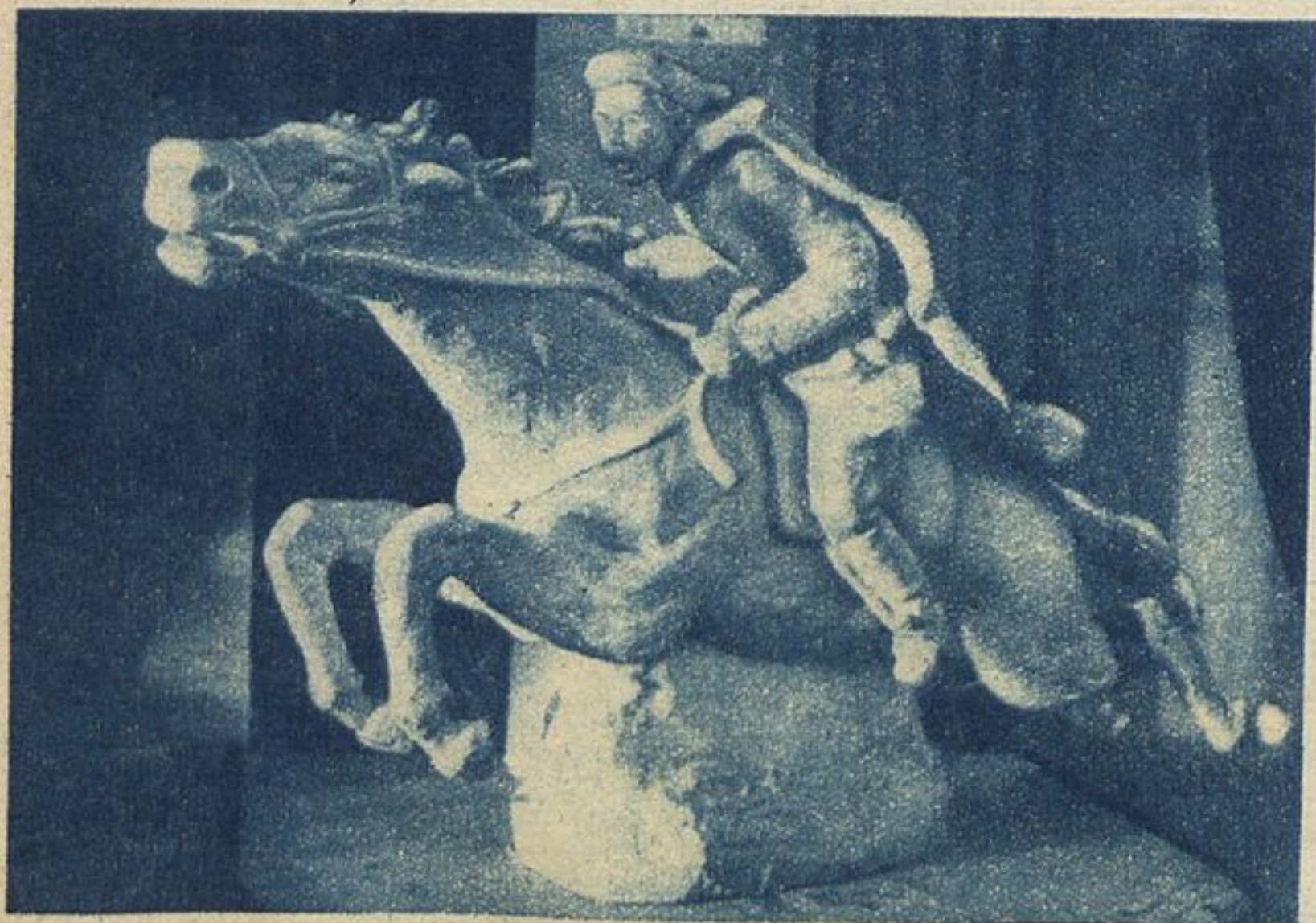
зверей на елку, — говорит он. — Скажи, что в глуши лесной, на пригорочке, стоит елочка для зверей“. Ворона кивнула головой и улетела. К вечеру пришли: лиса с лисятами, заяка с зайчатами, медведь с медвежатами. Прилетела и глазастая сова. Галка летала да, как безумная, кричала. Вышла и луна на елку посмотреть и осветила своим светом, — заблестела она, засияла. Все стали веселиться да Морозку хвалить.

Нина Терлецкая, уч. III класса

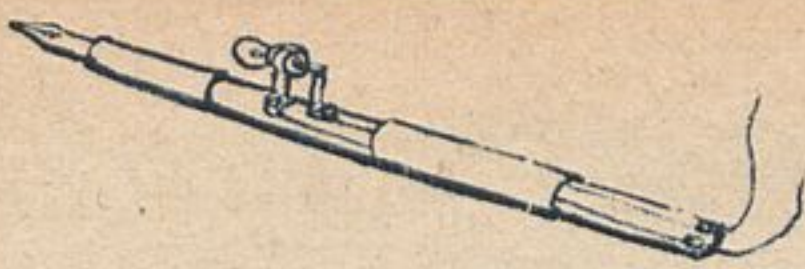
БУДУ СТРЕЛЯТЬ, КАК ЧАПАЕВ

Любимой игрой нашего двора является игра в „Чапаева“. В этой игре я всегда играю роль Петьки-пулеметчика. Я делаю пулемет Чапаева. Этот пулемет сейчас почти готов. Дуло я сделал из картона; колеса мною взяты от детского велосипеда, валявшегося в кладовой. Осталось сделать один щит. Из этого пулемета стрелять нельзя, но я сделаю в магазинной коробке трещетку, и он будет трещать. Когда я буду большой, я научусь стрелять из настоящего пулемета и пушки по всем тем, кто попытается напасть на Советский Союз.

Миша Каспин, уч. III класса „В“
57-й школы Киевского района.

Чапаев. Скульптура Миши Баусова. Харьков.

ИЗОБРЕТЕНИЕ ЛЕШИ БРАУНА

Вдруг погас свет. А уроки еще неготовы. Как тут быть? Я оборудовал свою ручку так, что мне не страшна темнота. Ну, и пусть погаснет свет. У меня ручка электрифицирована.

В кармане куртки у меня батарейка. Гибкие, тонкие провода идут от батарейки к заднему концу ручки, к двум булавочным головкам, а отсюда — к патрончику лампы. Патрончик устроен просто: две медные пластинки прибиты к ручке, одна — прямая, другая загнута колечком. В колечко ввинчена лампочка.

Что же, выкручивать лампочку каждый раз, как нужно ее потушить? Лучше устроить выключатель. Это кусочек металлической трубки, который можно двигать по ручке взад и вперед. Один из проводов не доходит до патрона. „Цепь не замкнута“, говорят электрики. А подвинешь вперед трубку, она прикоснется к патрону — цепь замкнута, лампочка загорится. Пиши, сколько хочешь.

Леша Браун. Красная Яруга.

Григорий Григорьевич Пушкин, правнук А. С. Пушкина.

Зимой в лесу.

Рисунок Славы Манухина. Москва.

ПЕНИЕ СИНИЦ

Стало уже темнеть, и я уже хотел уходить из леса, но вдруг я услышал пение синиц. Раньше я никогда этого не слышал. Их было очень много. Мне очень понравилось их пение, и я стал слушать, как они поют: то они пели тише, то громче, то совсем переставали, то начинали с новой силой, как будто одна из них дирижировала, а остальные пели довольно стройно, выпевая мотив тихо: *ци-ци-ци-ци-ци-ци-ци...* Сильнее: *ци-ци-ци-ци-ци-ци-ци-ци-ци!!*. Я хорошо запомнил этот мотив. Пропев

несколько раз, они кончили. Когда мы пришли к станции, уж совсем стемнело, собирались тучи. Лес стоял мрачный, а в одном месте был ниже и светлей от света луны, которая, как бы вылезая из-за туч, освещала угрюмый лес. Мне хотелось еще посмотреть на эту красивую картину, но подошел поезд, и мы сели в вагон и поехали.

Мне хорошо залегла в память эта чудная прогулка.

Арсений Колмовский, уч. 25-й школы. Москва.

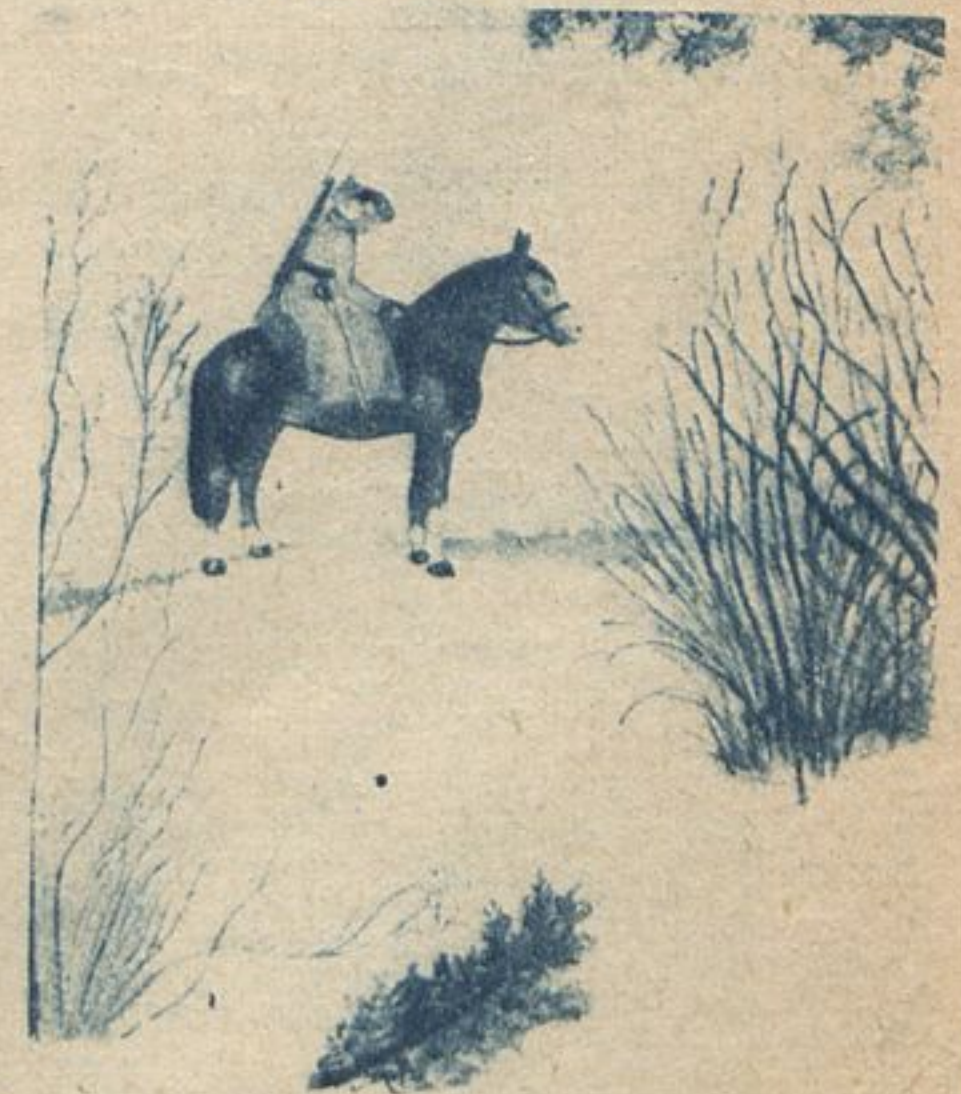
На страже

Стоит на страже
И крепкой рукой
Сжимает винтовку
Наш часовой.

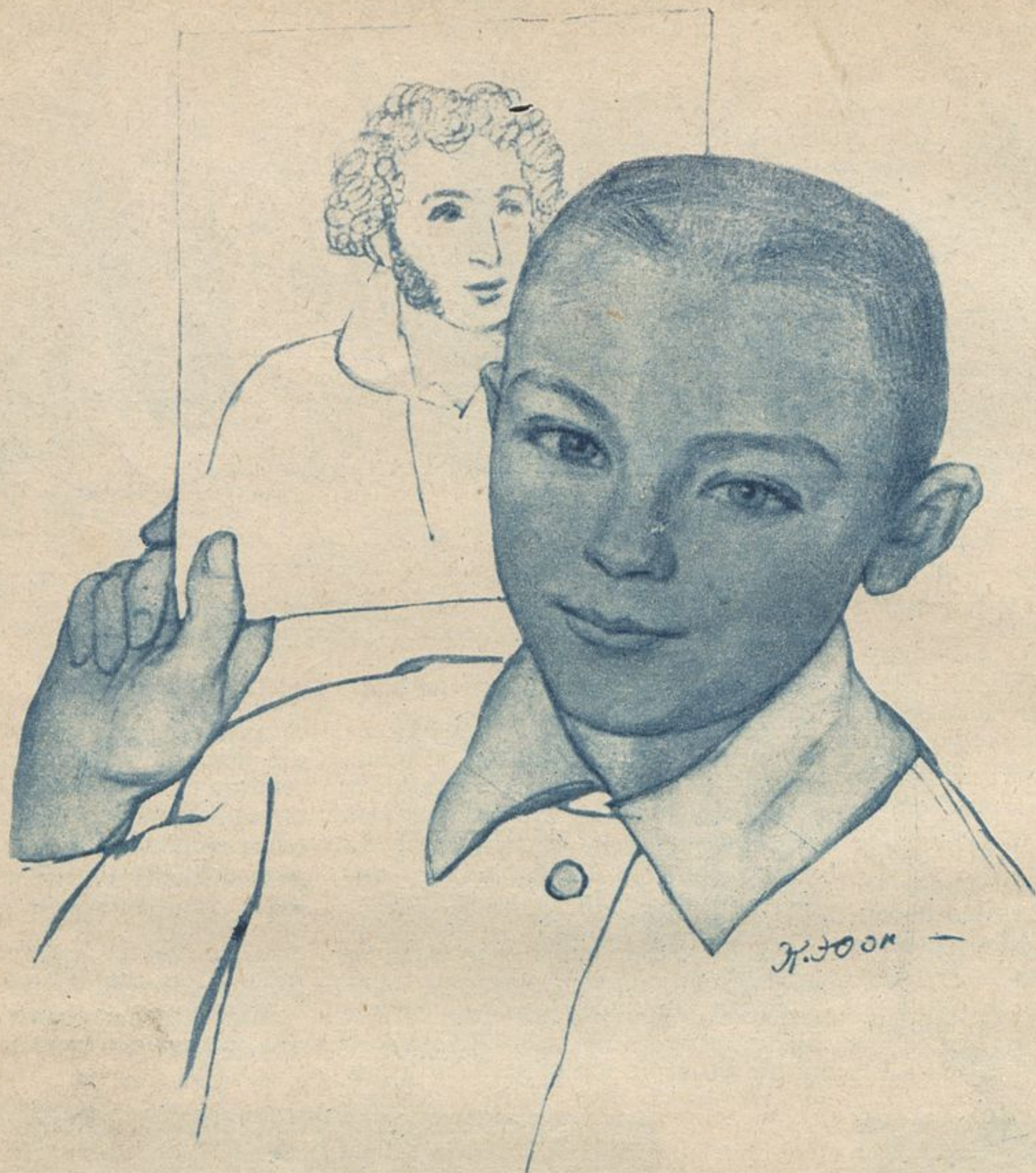
Он грудью встает
Против врага,
Если врагу
Нужна война.

Сильна и крепна
Советская власть,
И враг не посмеет
На нас напасть.

Юлий Вайнберг, 11 лет.

Пограничник. Рисунок Васи Палкина.

Портрет внука.

Рисунок художника К. Юона.

Я знаю много красивых
стихов и сказок Пушкина.
Я знаю, что он умер сто лет
назад, но его все больше и больше
любят. Я его тоже люблю и
потому рисую.

Алек Юон

СТАЛЬНОЙ КОГОТЬ

*Эль-Регистан
Худ. Р. Барто*

Вместе с казахом-охотником Даукеном не раз взбирались мы на вершины Тяньшаньского хребта, подстерегая в засаде диких козлов с рогами, похожими на сабли. На такой охоте захватил нас однажды снежный буран. Спасаясь от вьюги, Даукен затащил меня в расщелину огромной скалы, где мы провели ночь. Наутро, шагая по обледенелым звериным тропам, спустились в аул Узун-Булак. Здесь, в войлочной юрте Даукена, протекала жизнь Стального Когтя — гордой и сильной птицы, которую приручил к себе человек.

Стальной Коготь жил у Даукена двенадцать лет. Орлу был отведен специальный угол в юрте, которую разбивал на лето мой друг-колхозник в прекрасной Каркаринской долине. Дрессированный горный беркут сидел обычно на шесте, нахохливши свои ржаво-бурые перья. Его голова была прикрыта кожаным беретом, закрывавшим ему глаза. Большую часть времени орел дремал, вцепившись могучими когтями в перекладину.

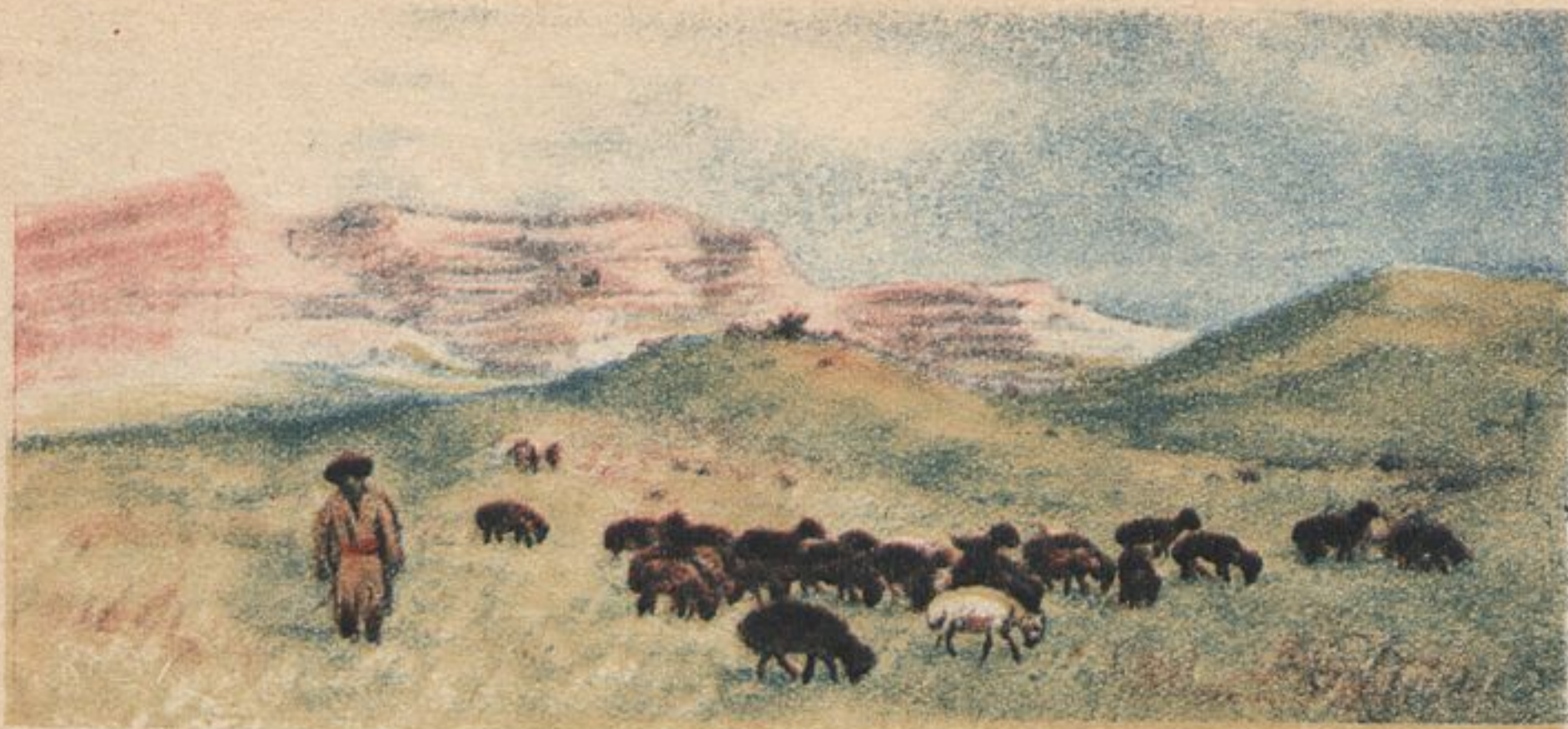
Стальному Когтю было полных три года, когда в жизни его наступила неожиданная перемена. Он жил на недоступных скалах Тяньшаньского хребта. В этот день ему не везло с охотой: до самого полдня не было ни куропаток, ни зайцев. А в полдень он ничего не ждал, зная, что в жар-

кое время животные и птицы стараются не покидать своих пристанищ.

Зоркие глаза Стального Когтя различали на земле самый маленький кустик, самого маленького зверька. Паря под синим небом, он заметил вдруг в скалах куропатку. Она трепыхала крыльями, стремясь взлететь. Она походила на раненную, и Стальной Коготь, сделав три круга в небе, зорко осмотрелся вокруг.

Ничто не предвещало опасности. Не спуская глаз с куропатки, Стальной Коготь сложил внезапно крылья и камнем ринулся вниз. Так он делал всегда, чтобы застигнуть добычу врасплох. Но в то мгновение, когда глупая куропатка забила в его могучих когтях, что-то обрушилось на орла сбоку, сковало его движения. Тщетно пытался высвободиться

Стальной Коготь из ловушки, пуская в ход когти, клюв и крылья. Он все больше запутывался в сети, расставленной опытным ловцом птиц и зверей—Даукеном.

Несколько дней Даукен выдерживал пойманного беркута в полной темноте. Стальной Коготь угрожающе верещал при виде ненавистного человека, привязавшего его за ногу крепким ремнем к кольцу. Трое суток, скрежеща злобно клювом, он гордо отворачивался от пищи, которую протягивал ему Даукен. На четвертые сутки голод сломил его гордость. Жадно глотая куски мяса, Стальной Коготь не спускал глаз с человека, готовый при каждом угрожающем движении пустить в ход свой страшный клюв.

Покормив беркута, Даукен бесцеремонно набросил на него мешок. Сжав птицу в своих стальных руках, он натянул на голову беркута кожаный берет, крепко закрепив его ремешком.

С тех пор он снимал с него берет лишь в моменты корма и дрессировки. Сначала он приучил птицу сидеть на руке, надевая толстую рукавицу из бычьей кожи. Опуская беркута на землю, он отходил и манил его к себе кусочком мяса. Затем перед орлом тащил на аркане лисью шкуру, и привязанная за веревку громадная птица неуклюже ее догоняла. И стоило только Стальному Когтю схватить лисью шкуру, как сейчас же Даукен награждал его куском мяса. Наконец, орел научился подлетать к шкурке.

Дрессированный беркут сопровождал Даукена почти во всех охотничьих поездках. Даукен ездил по подножию хребта Тянь-Шаня с тяжелой птицей, дремлющей

на луке седла. Стоило ему только заметить вдали лису, как он сейчас же срывал берет с головы Стального Когтя и швырял орла в воздух.

Беркут великолепно знал свое дело. Несколькими взмахами могучих крыльев он набирал высоту, чтобы оглядеться. Увидев рыженькую шкуру, он мчался по воздуху

вдогонку. Нацелившись, Стальной Коготь складывал крылья и летел вниз, как парашютист в затяжном прыжке. Молнией обрушившись на зверя, он хватал его стальными когтями за морду. Он наносил своим страшным клювом смертельные удары зверю и не выпускал лису, пока не подъезжал его друг и хозяин Даукен. Только ему одному он отдавал добычу.

Даукен очень дорожил и гордился Стальным Когтем. Слава о силе и храбрости Стального Когтя разносилась по хребтам Тянь-Шаня. Мне посчастливилось присутствовать при одном подвиге замечательного беркута, покрывшем его еще большей славой.

Колхоз, в котором работал Даукен, на лето переезжал в Каркаринскую долину. Этот колхоз занимался животноводством и вел полукочевой образ жизни. Зимой колхозники жили в небольших кирпичных домах в Узун-Булаке. Когда же приходила весна, они перекочевывали со скотом в Каркару, расположенную у самых хребтов Тянь-Шаня. Здесь, в сочных альпийских лугах, пасся, жирел и размножался скот. Женщины доили кобылиц и готовили чудесный кумыс. Они сбивали масло, из овечьего молока делали сыр. Мужчины выполняли тяжелую работу на полях. По вечерам молодежь собиралась у юрт. В прохладном горном воздухе звучали смех, музыка и песни.

К стадам колхоза на летних пастбищах повадилась ходить волчица. Она бесшумно подкрадывалась по ночам к овцам, и каждое утро пастухи обнаруживали пропажу ягнят. Волчица была хитра и опытна:

она не брала отравленной приманки, она обманывала сторожевых собак-овчарок.

Пастухи выследили овраг, где она скрывалась после набегов, но как ее поймать, — никто не знал. Она и на полкилометра не подпустила бы к себе человека с ружьем. Волчица разоряла колхоз, и дальше терпеть ее было невозможно. Старики-скотоводы собрались в правление колхоза и вызвали туда Даукена.

— Давай попробуем, — сказал Даукен после совещания.

Ночью проклятая волчица опять искалечила двух лучших овец.

Наутро тридцать конных колхозников широким фронтом оцепили овраг. В центре ехал Даукен. На луке его седла, нахохлившись под беретом, дремал Стальной Коготь. С громким криком и свистом загонщики обыскивали местность.

Волчица выскочила неожиданно из-под крутого яра, и Даукен немедленно пустил коня в карьер. Загонщики помчались к подножию хребта, чтобы не дать хищнику уйти в горы и выгнать его на ровное место. Маневр удался.

На полном скаку Даукен круто остановил коня и сорвал берет с головы своего пернатого друга.

— Вперед! — крикнул он хриплым голосом, швырнув Стального Когтя вверх.

Со свистом разрезая воздух, Стальной Коготь набирал высоту. Его зоркие глаза впилась в расстилающуюся внизу землю,

ища знакомую шкурку лисицы. Но лисы не было, — какой-то другой, крупный зверь бежал по земле размашистыми скачками, зажав между ног хвост.

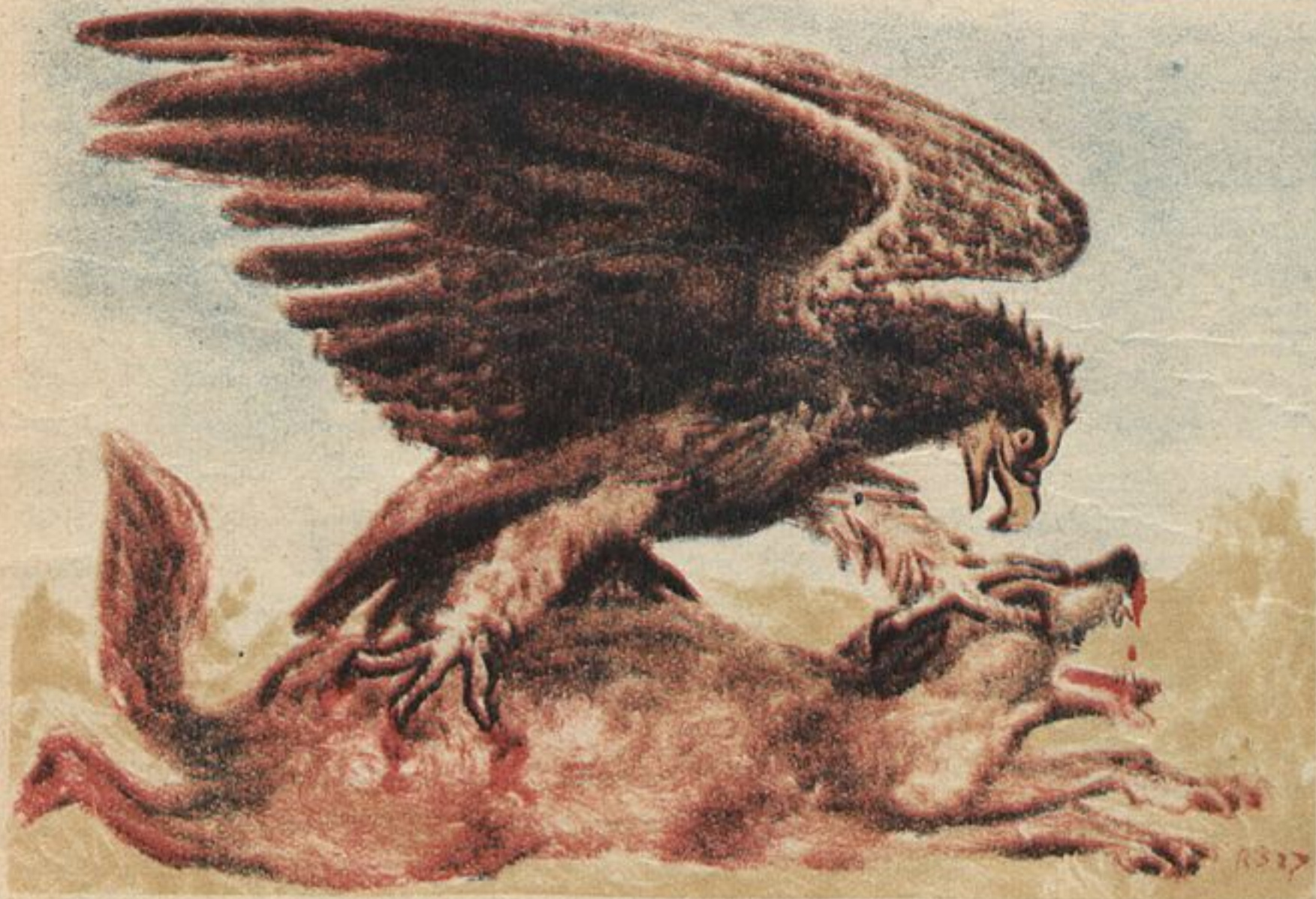
Стальной Коготь знал, что, если хозяин бросил его в воздух, значит, где-то внизу обязательно должна быть рыжая шкурка. Стальной Коготь недоумевал, не зная, что ему делать. И тут он услышал знакомый голос своего хозяина. С огромной высоты орел увидел, что его хозяин скачет по следу волчицы.

Тогда Стальной Коготь несколькими могучими взмахами догнал волчицу и, сложив крылья, бесстрашно ринулся вниз. Он пустил в ход свой обычный прием: схватив когтями правой лапы круп бурого зверя, вытянул левую. И когда волчица, взыв от боли, повернула оскаленную морду, Стальной Коготь мигом вонзил когтистую лапу в ее нос. Зверь завыв, пытаясь сбросить с себя пернатого дьявола. Но орел, напрягая свои железные мускулы, впивался в тело хищника.

Волчица, видя, что ей не удастся стряхнуть с себя орла, неожиданно опрокинулась на спину. Беркут сейчас же подобрал когти и взлетел в воздух. Зверь, перехитривший врага, понесся вскачь.

Но Стальной Коготь, взбешенный неудачей, вновь набрал высоту и, сложив крылья, бросился вниз. На этот раз он был уже опытнее, и, когда волчица огрызнулась, Стальной Коготь, вцепившись когтями в нос волчицы, пустил в ход свой страшный клюв.

Даукен, примчавшись к месту схватки, застал беркута в величайшем гневе. Глаза Стального Когтя метали голубой пламень. Его зоб был набит волчьей шерстью, она ему забила горло, мешая издавать победный клекот. Он сидел на волчице, широко расставив лапы, все глубже погружая свои когти в тело хищника. И, только когда Даукен, спрыгнув с коня, скинул с плеча ружье, он увидел, что волчица слепа: Стальной Коготь своим страшным клювом выклевал ей оба глаза.

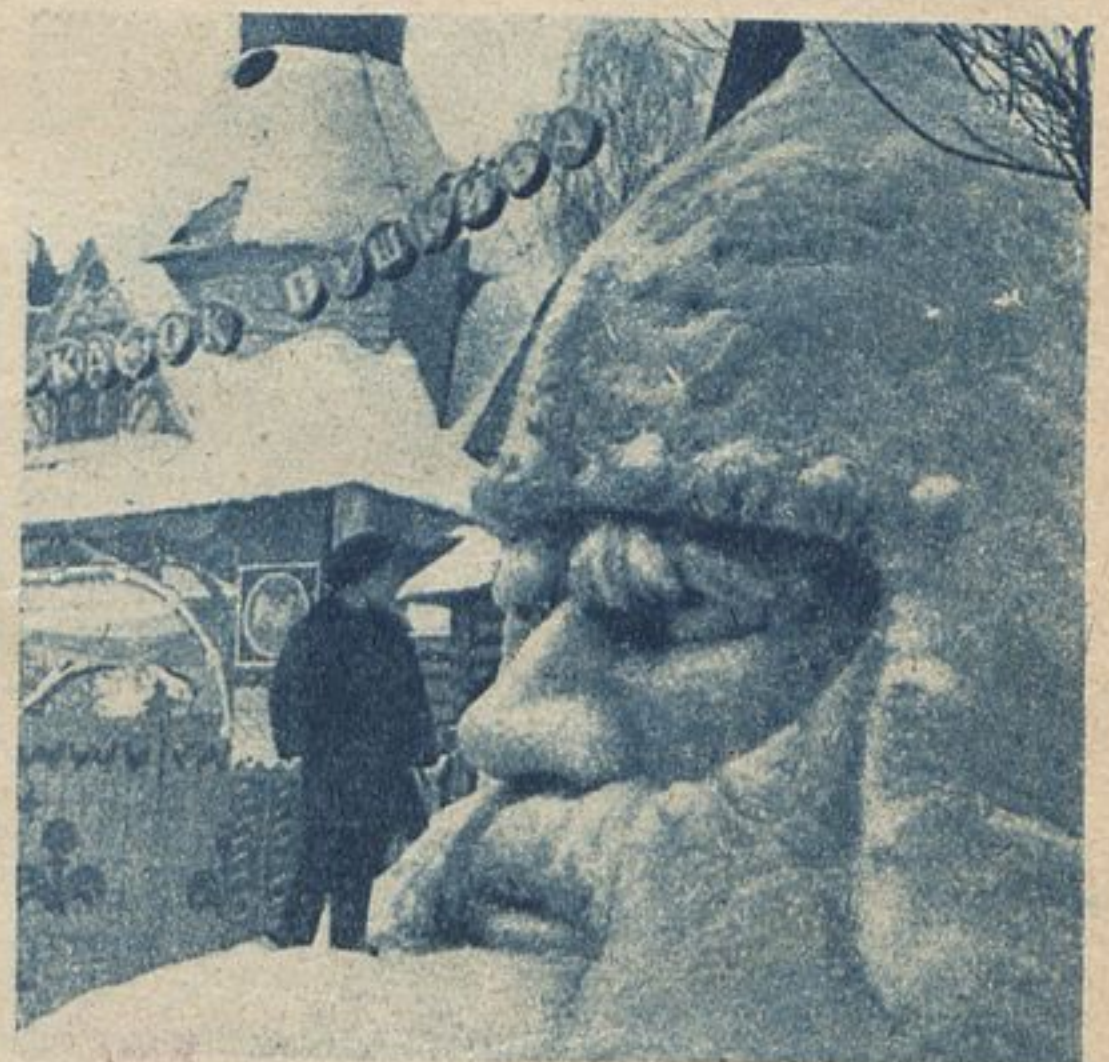

ГЕРОИ А. С. ПУШКИНА НА ЛЬДУ

Эти герои пушкинских произведений сделаны из льда и снега в детском городке московского Сокольнического парка культуры и отдыха.

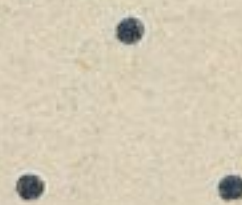
Какие стихи А. С. Пушкина ты подписал бы под этими ледяными фигурами? Эти стихи пришли в редакцию.

ИГРЫ, ФОКУСЫ, ЗАГАДКИ

ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ

Поставь на бумаге три точки — вот так:

Возьми еще один лист бумаги и прикрой им свою руку, и карандаш, и эти три точки так, чтобы ты видел эти точки и карандаш только в зеркале. Теперь, глядя на отражение в зеркале, постарайся соединить эти три точки прямыми линиями. Если удастся, нарисуй, глядя только на отражение в зеркале, какой-нибудь рисунок посложней, человека, например, или домик. Это очень трудно. Гораздо трудней, чем кажется.

Зимние загадки

Отгадай

1. Один говорит: „Как зиму зимовать?“
Другой говорит: „Как лето летовать?“
А третий говорит: „Мне и зимой и летом
Перемены нету“.
2. Ползушки ползут,
Побегушки бегут.
3. Старик у ворот
Тепло уволок,
Сам не бежит
И стоять не велит.
4. Летит—молчит,
Лежит—молчит.
Когда умрет,
Тогда заревет.
5. Без рук,
Без ног,
А рисовать умеет.

РЕБУС-КАРТИНКА

Это не простой ребус. Посмотришь — и не догадаешься, что это ребус. Ну, пень нарисован, ежик под пнем роется, река течет, над рекой — орел. А если составить по порядку первые буквы этих четырех слов, получится пятое слово — какое?

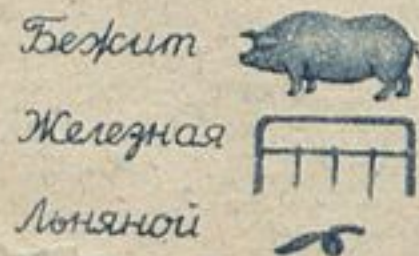
Попробуй сам придумать и нарисовать такой ребус, чтобы все нужные слова составили одну картинку.

БИЛЬБОКЭ ИЗ ОРЕХОВ

Бильбокэ — это старинная игра. Просверли осторожно скорлупку большого ореха и укрепи ее гвоздем на палочке. А к палочке на шнурке приладь маленький орешек, как показано на рисунке. Ну-ка, взмахни палочкой так, чтобы орешек очутился в скорлупке.

Отгадка на загадку,
помещенную
в „Мурзилке“ № 1.
Игла с ниткой.

Редколлегия: Барто А., Маршак С., Кассиль Л., Смирнова В., Степанова А., Шифрин Н.
Ответственный редактор Н. Венгров. Оформление Веретенникова Б.

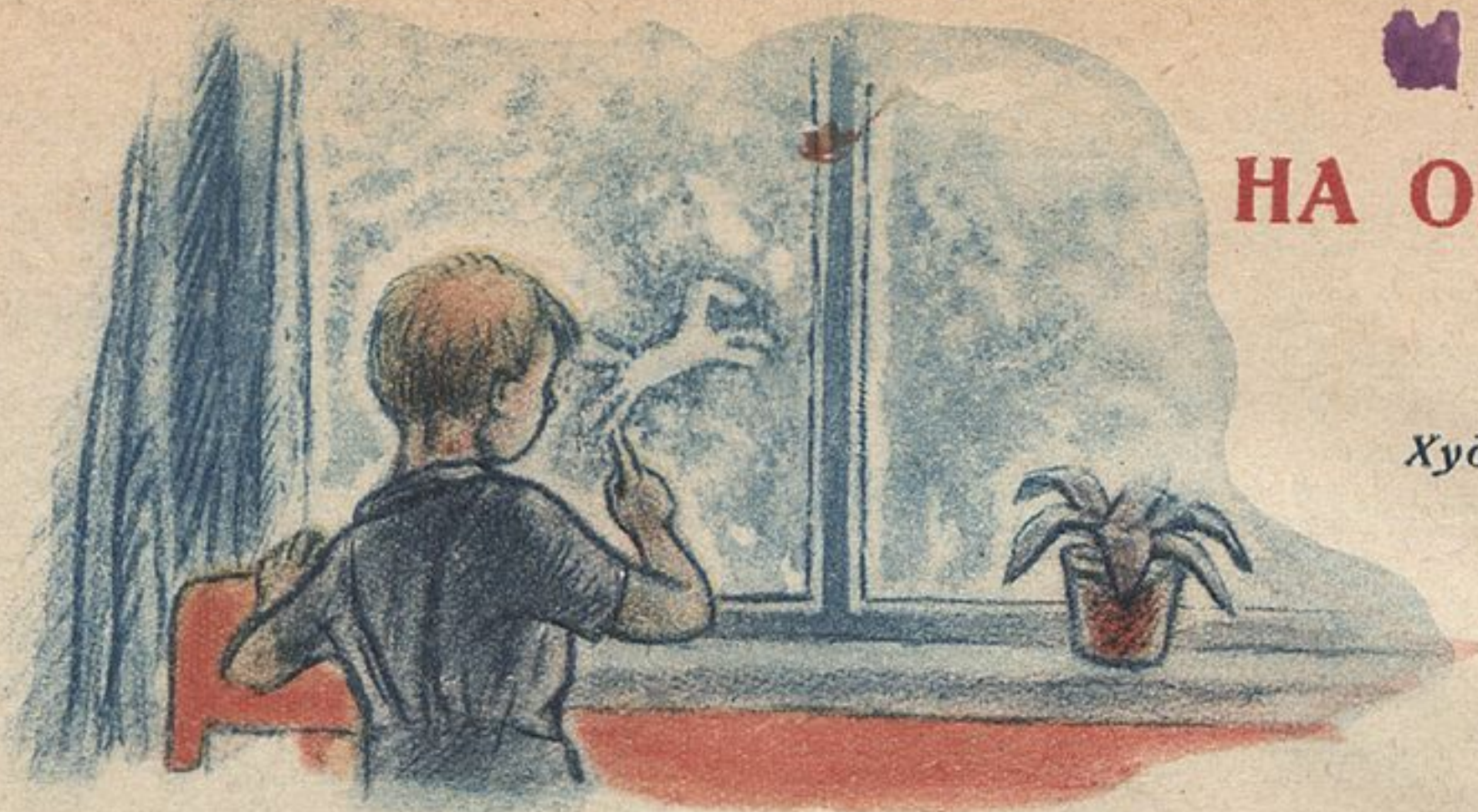
Сдано в набор 13/1 1937 г. Подписано к печати 10/II 1937 г. Объем 3½ печ. л. Ст.-форм. 62 × 94 ½ листа.
Уполном. Главлита Б-6322. Заказ № 251. Детиздат № 1063. Тираж 250 000.

Типография «ГУДОК», Москва, ул. Станкевича, 7.

НА ОКНЕ

Ив. Нехода

Худ. Ю. Кискачи

Вот я коня рисую на окне
 (Маленько дуну и рисую пальцем).
 Летит мой конь, как будто на войне:
 По ветру хвост и грива разлетаются.

Я всадника рисую на окне
 (маленько дуну и рисую пальцем).
 И вот несется всадник на коне
 И саблей от кого-то отбивается.

Рисую офицеров на окне
 (маленько дуну и рисую пальцем).
 Братишка ранен, но кричит он мне:
 „Не сдамся я!“

И снова отбивается.
 Вот он упал, вот выхватил наган
 И взвел курок на генерала прямо.
 „Ура-а! Вперед!—кричу я.—На врага!“

А конь вперед, потом опять назад...
 (Вот так вот дуну, и уже готово!)
 А на коне... да это же мой брат!
 „Здорово, Васька!“

Он кричит: „Здорово!“

Кричу, кричу — аж прибежала мама.
 Взволнована, напугана она
 И говорит: „Не заболел ты, крошка?“
 А я кричу:

„Да тут у нас война!
 Ты не мешай!“ —
 И выдавил окошко.